

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-3-577-587

Оригинальное исследование

Обмен и выкуп пленными как часть военного конфликта на примере арабо-византийских войн IX–X вв.

Грозова В.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
E-mail: grozova@unn.ru

Аннотация. В центре внимания статьи – сюжеты обмена и выкупа пленными, которые были зафиксированы в период IX–X вв. между Византийской империей и Аббасидским Халифатом во время арабо-византийского противостояния. Цель работы – реконструкция дипломатического протокола выкупов и обменов пленными (организация посольств и обмен дарами, подсчет пленными с каждой стороны, определение сроков и места проведения и т. д.). Выявлены отличавшиеся от протокола случаи, произошедшие во время обменов и выкупов, и предпринята попытка их интерпретации. В заключение автор приходит к выводу о формировании особой дипломатической практики, ставшей впоследствии одним из способов межкультурной и политической коммуникации, которая остается актуальной и в наше время.

Ключевые слова: арабо-византийские войны, обмен пленными, дипломатические практики, Сирия, Византия, Халифат Аббасидов, военная антропология

Для цитирования: Грозова В.А. 2024. Обмен и выкуп пленными как часть военного конфликта на примере арабо-византийских войн IX–X вв. *Via in tempore. История. Политология*, 51(3): 577–587. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-577-587

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Exchange and Redemption of Prisoners as Part of a Military Conflict on the Example of the Arab-Byzantine Wars of the 9th – 10th Centuries

Vera A. Grozova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia;
Linguistics University of Nizhny Novgorod,
31a Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia
E-mail: grozova@unn.ru

Abstract. This article focuses on the exchange and ransom of prisoners documented during the 9th and 10th centuries between the Byzantine Empire and the Abbasid Caliphate at the Arab-Byzantine wars. The study aims to reconstruct the diplomatic protocols surrounding the ransoms and exchanges. That includes the organization of embassies, exchange of gifts, counting prisoners on each side, and determining the dates and venues for these exchanges. It also identifies and interprets instances that deviated from the established protocols. The author concludes that these diplomatic practices formed a unique method of intercultural and political communication that remains relevant today. Key findings reveal that the exchange and ransom of prisoners became systematic and bureaucratic, involving elaborate preparations and negotiations.

The research highlights the significance of these practices in maintaining peace and resolving conflicts during the medieval period. It also underscores the evolution of diplomatic relations and the pragmatic functions of prisoners in these exchanges, contributing to a broader understanding of military anthropology and medieval diplomacy. The findings suggest that such exchanges not only addressed immediate humanitarian needs but also facilitated long-term political and cultural interactions between the two empires. Overall, this work provides a detailed analysis of the processes and implications of prisoner exchanges and ransoms, offering insights into the broader context of Arab-Byzantine relations. By examining contemporary accounts and medieval realities, the study reconstructs a comprehensive picture of how these exchanges were conducted and their impact on diplomatic practices of the time.

Keywords: Arab-Byzantine wars, prisoner exchange, diplomatic practices, Syria, Byzantium, Abbasid Caliphate, military anthropology

For citation: Grozova V.A. 2024. Exchange and Redemption of Prisoners as Part of a Military Conflict on the Example of the Arab-Byzantine Wars of the 9th – 10th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 51(3): 577–587 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-3-577-587

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

На протяжении всего XX века обмен пленными сопровождал практически любое военное столкновение, точно такую же практику мы можем проследить и в период Средних веков. Наиболее показательные и частые обмены происходили во время длительного противостояния двух средневековых государств – Византийской империи и Арабского Халифата. Процессы обмена пленными влияли не только на ход военных действий, но и формировали правила и механизмы обращения с ними.

Сложность изучения положения пленных, а также выявление механизмов, по которым происходили обмены между Византией и Халифатом, заключается в том, что, во-первых, мы не можем четко установить юридического и правового статуса пленных: с одной стороны, они были близки со статусом рабов, с другой – они все еще участники военного конфликта и подданные своего правителя, которые находятся под покровительством врага, во-вторых, в современной исторической науке отсутствуют какие-либо обобщающие сведения об обменах пленными; в-третьих, пленные как неотъемлемая часть военного противостояния и дипломатических практик упоминаются в текстах достаточно редко, поэтому источниковая база исследования очень неоднородна (письма, военные трактаты, исторические сочинения ученых мужей двора правителей), что создает проблему интерпретации статуса пленных, численности¹³, условий содержания.

С точки зрения методологии, изучение плена как феномена военного конфликта отлично вписывается в такое направление, как военная антропология [Сенявская, 2016, с. 18], однако внимание исследователей приковывали лишь глобальные конфликты последних двух столетий в их антропологическом измерении – это Первая и Вторая мировые войны, немного позднее вопросы плена стали предметом исследования в рамках наполеоновских войн [Гладышев, 2017, с. 139], в то время как сведения о пленных в период Средних веков оставались в стороне без должного внимания. В 2010 г. в Оксфорде в рамках программы «The Changing Character of War» был опубликован сборник статей «Prisoners in War» [Prisoners in War, 2010] – на данный момент это издание является единственной систематизированной попыткой осмысления темы плена в рамках военной антропологии и истории, однако хронологические границы сборника охватывают период с начала крестовых походов до Новейшего времени без учета исторического опыта дипломатических практик между

¹³ Прим. автора: ат-Табари сообщает, что в обмене 855–856 гг. мусульманских пленных-мужчин насчитывалось 785, а женщин – 125. По сообщениям аль-Масуди, 2 200 мужчин и 100 женщин. Эти цифры трудно сопоставить, поэтому объективно оценить количество пленных не представляется возможным.

Византией и Халифатом времен династии Аббасидов. Также отметим ряд работ, которые посвящены пленным в этом конфликте. Одним из первых исследователей в отечественной историографии, затронувшим вопросы плена, был А.А. Васильев [Васильев, 1900] – работа с источниками, ученый реконструировал систему взаимоотношений, сложившуюся между государствами, далее важным этапом в изучении военного противостояния становятся работы В.В. Кучмы о военной доктрине и тактике византийцев [Кучма, 1979, 1997, 2001], а Р.М. Шукуров представил материалы о существовании благотворительной системы для пленных женщин и детей варваров [Шукуров, 2020]. Зарубежные исследователи затрагивали более узкие сюжеты, так, например, о существовании в Константинополе – столице христианского православного мира – системы помещений, предназначенных для совершения намаза мусульманскими высокопоставленными военнопленными и дипломатами, писал Д.А. Глиар [Glaire, 2009], о присутствии арабских военнопленных на императорских банкетах писала Л. Симеонова [Simeonova, 1998], а С. Вежбинский в своей статье [Wierzbinski, 2018] рассмотрел факторы финансовой и дипломатической выгоды захвата пленных. Важным вкладом в изучение темы плена в период арабо-византийских войн стала статья Абд аль-Азиз Рамадана, ученого из Саудовской Аравии [Ramadan, 2009]. Ценность его работы состоит в том, что он проанализировал статус арабских пленных, которые находились на территории Византийской империи, с опорой на более ранние работы арабских и европейских ученых.

Как мы видим, существующие работы имеют достаточно широкую научную проблематику – для отечественных исследователей характерно обобщение и анализ положения пленных с точки зрения военной истории, в то время как зарубежные авторы стремятся разобрать более узкие и тематически неоднородные сюжеты с участием пленных. Новизна темы, предложенной в настоящей работе, заключается в том, что, разбирая отдельные сюжеты выкупов и обменов пленными, затрагиваем достаточно широкий круг проблем, где пленные, являясь частью военного противостояния, приобретают новые статусы и становятся инструментом в руках своих захватчиков и выполняют ряд прагматических функций. В то же время подобные дипломатические практики становятся абсолютно новой формой взаимодействия между государствами в период Средних веков.

Поэтому цель настоящей работы заключается в реконструкции процедуры обмена и выкупа пленных на основании упоминаний современников этого длительного противостояния и их анализе с точки зрения средневековых реалий.

Отметим, что под пленными мы называем всех людей, вне зависимости от того, были они захвачены с оружием в руках или без, поскольку первый обмен и установленный порядок предполагали обмен как мужчин, так и женщин с детьми, а упоминания современников включают в себя некоторые сведения о численности и половой принадлежности обмениваемых. Также остается неясным вопрос об использовании терминологии «выкупа» и «обмена», в источниках это равнозначные понятия и встречаются одинаково часто без упоминаний суммы выкупа за того или иного человека.

Хронологические рамки охватывают период с начала IX в. до конца X в., поскольку именно на это время приходится наибольшее количество обменов пленных между сторонами. Для Халифата – это правление династии Аббасидов, которых отличало большее количество контактов с византийским двором в сравнении с предшественниками Омейядами; для правителей Аббасидской династии, особенно ранних, территориальная экспансия в сторону Византии не являлась целью военных столкновений, предлогом для набегов были грабежи, поиск провианта, также это был один из способов поддержания военной элиты из Сирии и Ирака. Для Византии же это стало достаточно трудным периодом с точки зрения внешней политики. Несмотря на военные успехи, государство было вынуждено вести войну сразу по трем направлениям – защищать свои восточные границы и сохранять господство в Средиземном море, держать контроль над болгарами и древними русами, которые к началу X века особенно активизировались.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает совокупность известных сюжетов обмена и выкупа пленных, происходивших на протяжении IX–X вв. во время арабо-византийских войн. Основными методами исследования являются историко-сравнительный, историко-системный и структурный, которые позволили реконструировать дипломатические практики и выявить факторы, которые определяли отношение правителей и военной администрации к пленным со стороны Византийской империи и Халифата Аббасидов.

Результаты и их обсуждение

На период IX–X вв. приходится 23 процесса обмена пленными [Тоунбее, 1973, р. 190–193], но не каждый из них был хорошо задокументирован, в частности, некоторые упоминаются лишь одной из сторон, кроме того, можно предположить, что далеко не все подобные мероприятия были зафиксированы современниками в силу того, что могли иметь локальный характер и зависели от сезонности, а также от наместников той или иной пограничной провинции. Первым упоминанием обмена пленными считается обмен, который скупо описан в византийской «Хронографии» Феофана Исповедника (760–818 гг.), и автор относит его к 768/9 г. Обмен состоялся в Сирии: мужчина на мужчину, женщина на женщину, ребенок на ребенка [Theophanes, 1997, р. 613] – это правило, вероятно, будет действовать в большинстве описанных нами сюжетов. Поводом для обмена, вероятно, стали победы императора Константина V в Эрзуруме, Мелитине и Камачуме и необходимость восстановить безопасность византийской Анатолии. Новая арабская династия и византийский императорский двор запустили дипломатические процессы, которые вплоть до начала XI в. были главным образом связаны с вопросами установления войны и мира, где решающую роль будут играть взаимные договоренности об обмене и выкупе пленных, правовой защите и надлежащем обращении с заключенными.

О формировании новой дипломатической традиции можно говорить, когда у подобных событий появляется место, время, принцип и условия обмена и/или выкупа. Так, с первого упоминания 797 г. мы можем зафиксировать регион, в котором состоялся обмен, – это территория Сирии. Более конкретная локация появляется у обмена 808 г. в труде аль-Масуди, теперь можно определить, что река Ламис становится постоянным местом для практик обменов и выкупов между Халифатом и Византийской империей. В качестве ориентира можно использовать город Тарс¹⁴. Здесь проходили обмены 845 г., 905 г., 908 г. В остальных случаях до середины XI в. встречаются формулировка «близ Тарса» или «в одном дне от Тарса», что, вероятно, может относиться именно к реке Ламис.

Чаще всего обмены происходили во второй половине календарного года (конец августа – начало декабря). Это было связано с частотой сезонных набегов, которые совершались обычно в феврале-марте, в начале и конце лета.

Ценные сведения о том, каким образом проходили обмены, приводит Ибн Джарир ат-Табари: «Когда они собрались для обмена, мусульмане стояли на восточном берегу реки, византийцы – на западном. Реку можно было перейти вброд. Каждая сторона посылала вперед по человеку, и они встречались на середине реки. Когда мусульманин добирался до мусульман, они вместе восклицали «Аллах – велик!». А когда византиец добирался до византийцев, они кричали что-то на своем языке, эквивалентное «Бог – велик!» [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, р. 42]. Также ат-Табари, ссылаясь на аль-Синди, мавлю Хусейна аль-Кадима, говорит, что византийцы и арабы построили два моста через Ламис специально для подобных мероприятий, также он упоминает, что реку нельзя было перейти вброд, что и явилось причиной сооружения мостов [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, р. 42], подтвердить или опровергнуть факт существования подобных сооружений на

¹⁴ Прим. автора: область между Селевкией и Киликией.

этом этапе исследования невозможно, однако сюжет достаточно показателен в силу того, мы можем определить порядок осуществления обменов, который не был лишен религиозного влияния.

Неотъемлемой частью нового дипломатического протокола становится обмен посольствами и подарками, цель подобных миссий заключалась, во-первых, в установлении договоренностей об обмене, во-вторых, это было необходимо, чтобы послы имели возможность оценить численность соплеменников, оказавшихся в неволе, и утвердить с правителями количество подлежащих обмену лиц, и, наконец, в-третьих, посредством подарков выразить уважение правителю, направившему посольство, и закрепить таким образом состоявшийся визит и договоренности. Так, сразу несколько посольств приходится на начало X в., инициатором выступила византийская сторона в лице императора Льва Мудрого.

Первый пример относится к 903 г., когда к аббасидскому халифу аль-Муктафи Биллаху в Багдад прибыли два эмиссара византийского императора, которые просили халифа о выкупе мусульман, находившихся в плену Византии. От Льва Мудрого они привезли для халифа подарки и нескольких пленников-мусульман, которых император лично отправил халифу. Просьба о выкупе мусульманских пленников была удовлетворена [The History of al-Tabari, Vol. XXXVIII, 1985, p. 133]. Отметим, что конкретно этот сюжет не был отмечен в работе А. Тойнби [Тоунбее, 1973, р. 190–193], вероятно потому, что существует только в одной редакции «Истории пророков и царей» ат-Табари.

Второй пример – деятельность Льва Хиросфакта, который служил при дворе императора Льва VI Мудрого. Лев Хиросфакт отправляется в посольство к арабам (905–907 гг.), целью которого стали переговоры по поводу возвращения пленников, взятых арабами при набеге на Фессалоники в 904 г. В посольство также направился его помощник – евнух Василий. Лев Хиросфакт в одном из своих писем императору писал: «Мы преуспели, заключили мир, ведем заложников, несем императору арабские дары, мы сделаем взаимнообмен пленными и, что всего лучше, приведем и самих архиереев» (письмо 15) [Лев Хиросфакт, 2017, с. 211]¹⁵. Также Лев во время своего пребывания при дворе халифа Аль-Муктафи Биллаха заключил соглашения о мире с арабскими эмирами Мелитины и Тарса [Лев Хиросфакт, 2017, с. 15] – пограничными с Византийской империей городами.

Говоря об обменах, следует сказать и о мотивации сторон к подобным мероприятиям. Здесь наиболее показательными для нас будут военные столкновения между арабами и византийцами в начале 830-х гг., которые перестали выходить за рамки привычных сезонных грабительских набегов. После крупного поражения от арабов в 830 г. император Феофил направил посольство аль-Мамуну, которое, судя по всему, не увенчалось успехом, поэтому через год, к 831 г., Феофил собрал значительную часть армии и направил ее под Тарс и Масис – пограничные города. Там его войска одержали грандиозную победу под командованием стратига Евдокима [Васильев, 1900, с. 88], в результате которого в плен было захвачено порядка 25 000 мусульман [Продолжатель Феофана, 2009, с. 78]. Аль-Мамун, не стерпев поражения, в июле того же года выдвинул свои войска против Византийского императора. Не желая продолжать войну и терять завоеванные ранее территории, Феофил отправил посла к аль-Мамуну в город Адана с предложением вернуть 500 мусульманских пленников [Васильев, 1900, с. 92] взамен на остановку военного набега. Но халиф не согласился и продолжил свое наступление.

Феофил позднее, в 833 г., напишет два письма халифу [The History of al-Tabari, Vol. XXXII, 1987, p. 195–196], первое из которых аль-Мамун читать отказался из-за того, что оно начиналось с имени самого императора, второе письмо было успешнее – император предложил халифу 100 000 динариев и обещал выдать 7 000 пленников мусульман, если аль-Мамун возвратит греческие города и крепости, а также согласится на пятилетнее перемирие.

¹⁵ Прим. автора: архиереи, о которых идет речь, были вызваны из Антиохии и Иерусалима для проведения собора в связи с желанием Льва Мудрого заключить четвертый по счету брак.

По версии же аль-Масуди, посланец ромеев предложил на выбор аль-Мамуну либо возместить расходы, потраченные аль-Мамуном на дорогу до аль-Будандуна, либо отпустить всякого пленника из мусульман в Ромейской стране без выкупа, либо отстроить всякий мусульманский город, разрушенный христианами, взамен на то, что аль-Мамун отступит от своего похода [Аль-Масуди, 2002, с. 250]. Аль-Мамун выбрал возмещение расходов, но вскоре умер. Кажется, что выбор возмещения расходов не вполне очевиден для того времени: исламская традиция поощряет выкуп и возврат соплеменников-мусульман и отпущение рабов (пленников) вне зависимости от возраста, пола и статуса пленного (Кор. 2:79, 4:91–94, 5:91, 8:71, 76:8, 90:13). Можно предположить, что решение аль-Мамуна основывалось на его уверенности в том, что пленные рано или поздно будут обменены, а возмещение расходов было необходимо уже сейчас, для византийцев же пленные становятся инструментом политического воздействия – эту традицию к концу IX в. зафиксировал Лев VI Мудрый в своем военном трактате [Лев VI Мудрый, 2012, с. 248].

Рассмотрев несколько сюжетов обмена между Византийской империей и Халифатом Аббасидов, можно заключить, что на рубеже IX–X вв. был сформирован протокол, целью которого был обмен и выкуп пленных, и включал в себя организацию посольств для установления договоренности и подсчета людей для обмена, обмен подарками, в который были включены не только правители, но и послы, участвовавшие в миссиях, установление даты и места обмена, кроме того, мы можем говорить, что пленные могли использоваться в качестве предлога для остановки военных действий, заключения перемирия, также пленных могли направлять в качестве подарка правителям, что в значительной мере расширяет представления о статусе пленных.

Несмотря на, казалось бы, строгий протокол, были и случаи, которые выбиваются из контекста общих закономерностей по различным причинам, то есть здесь уместно рассмотреть те факторы, которые нарушали этот установленный порядок и влияли на дипломатические практики двух средневековых государств. Наиболее подробное описание обмена пленными приводит уже упомянутый ранее ат-Табари и относит его к 845 г. Обмен был примечателен тем, что мусульмане организовали исповедание веры мутазилитов, которое стало условием для освобождения пленников [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, p. 38]. Аль-Ватик приказал Ибн Аби Дуаду, который был в то время главным кади Аббасидского Халифата, направить агента для проверки веры тех пленных, которых возвращали византийцы, в итоге на проверку пленных было отправлено несколько человек – Яхья Адам аль-Кахри, Джафар ибн аль-Хадда и Талиб ибн Дауд, представитель военной администрации. Каждому пленному, убежденному в сотворенности Корана, было приказано выдавать при освобождении по одному динару. Религиозная проверка фигурирует только в обмене 845 г. Дело было связано с тем, что к началу 40-х г. IX в. в кругу приближенных халифа Абу Джафара Харуна ибн Мухаммада (аль-Ватик би-ллах) было распространено течение мутазилизма, которое имело огромное влияние на исламскую мысль. Вероятнее всего, в меняющихся обстоятельствах и изменении взглядов на толкование некоторых мусульманских вопросов проверка была необходима для поиска согласных среди пленных. По сообщениям ат-Табари те, кто исповедовал, что Коран был сотворен и что Бога нельзя увидеть в загробной жизни, были выкуплены, а те, кто не исповедовал этого, были оставлены в руках византийцев [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, p. 40].

По мнению А.А. Васильева, византийцы, в свою очередь, проводили похожую процедуру [Васильев, 1900, с. 160] – каждый грек, возвращающийся в империю, при переходе через реку должен был разговаривать на греческом языке и знать «прославление Бога». Поскольку подданными византийского императора могли являться только православные христиане, говорившие по-гречески.

Еще одна особенность этого обмена состояла в том, что византийцы отказались принимать в качестве обмена старух, стариков и детей, поэтому ответственный за обмен Ахмад

ибн Саид направился для решения этой проблемы к халифу аль-Ватику. Было принято решение о покупке рабов в количестве, необходимом для равноценного обмена. Но даже это не помогло – тогда аль-Ватик привел для обмена греческих женщин из своего дворца и других людей, пока не набралось нужное количество для проведения обмена [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, p. 40]. В конце концов обмен состоялся в уже привычном формате: меняли человека на человека [Васильев, 1900, с. 159]. Здесь мы сталкиваемся с попыткой нарушения порядка проведения обмена, установленного во второй половине VIII в. Причины подобного поведения со стороны византийцев могли крыться в истощении армии и их желании восстановить численность комбатантов, либо можно предположить, что в византийском плену содержалось большее количество арабов-комбатантов, которых можно было вернуть, нежели чем количество византийцев, которых привели арабы для обмена.

Следующий обмен, на который следует обратить внимание, произошел через 10 лет (15 декабря – 12 января 855–856 гг.), его инициировала уже упомянутая Феодора, мать Михаила, она послала Георгия, сына Кириака, с просьбой обмена мусульман, которые находились в Византии; число мусульман оценивается в 20 000. Халиф аль-Мутаваккиль Алаллах послал шиита Наср ибн аль-Азхара ибн Фараджа, чтобы определить точное число мусульманских пленников и распорядиться об их обмене. Есть сведения, что византийцы отправили подарки халифу, в ответ на это халиф отправил в два раза больше [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, p. 138]. Сразу после отъезда посла Феодора приказала, чтобы заключенным мусульманам предложили перейти в христианство, те, кто перешел в другую веру, должны были находиться в равных условиях с теми, кто сделал это ранее [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, p. 138]. Те же, кто отказался, должны были быть убиты. Главную роль в этом убийстве арабы приписывают внуку Феоктисту [Васильев, 1900, с. 179], который занимал должность начальника регентского совета при малолетнем Михаиле III [The Oxford Dictionary of Byzantium, Vol. 3, 1991. P. 2056]. Ни о численности убитых, ни об объективных причинах массового убийства сразу после отъезда посла халифа в текстах источниках не сообщается.

Вообще этот сюжет достаточно противоречив по двум причинам. Во-первых, во время своего правления аль-Мутаваккиль развернул активную религиозную политику, направленную против шиитов, и даже приказал осквернить шиитскую святыню – могилу Хусейна в Кербеле [Фильштинский, 2006, с. 119], а тут же мы видим в числе приближенных шиита, о котором нам сообщает ат-Табари. Во-вторых, халиф достаточно ревностно относился к ортодоксальному исламу и был ярким противником христианства, представителями которого являлись византийские послы во главе с Георгием. С момента правления аль-Мутаваккиля дружественный и просвещенный диалог между исламом и христианством сменился ожесточенной полемикой, к этому же времени, например, относится написание трактата аль-Джахиза «Отвержение христиан» [Фильштинский, 2006, с. 119].

Несмотря на убийства заключенных-мусульман, обмен все же состоялся. Руководил обменом тот же Георгий, со стороны арабов – внук Шениф, который выступил к месту обмена 1 января 856 г. С ним в обмене принимали участие начальник пограничной области Ахмед ибн Яхья ал-Армени, главный кади Джафар ибн абд ал-Вахид ал-Хамани [Васильев, 1900, с. 180].

Далее обратимся к сюжету 860 г., когда в числе возвращенных в Халифат оказались и те, кто принял христианство во время пленения в Византии. Интересен следующий факт: император Михаил III заявил, что если арабы, принявшие христианство, хотят остаться под его юрисдикцией, то им нужно сначала дойти до места обмена пленными и лично отказаться от возвращения в Халифат. Если же обращенные пленные не захотят, то пусть уходят со своими товарищами [The History of al-Tabari, Vol. XXXIV, 1987, p. 170]. Вероятнее всего, это стало своего рода проверкой на преданность новому правителю. Среди тех, кто принял христианство в Константинополе, были два арабских ювелира. По результатам обмена в Византии осталось только семеро крещенных мусульман, пятерых из них привезли из Сицилии. Арабы

заплатили за них выкуп тоже, чтобы их можно было отправить обратно только не в качестве пленников, а уже в качестве свободных людей, подданных византийского императора.

Таким образом, можно заключить, что на процессы обмена и выкупа пленников могли влиять внешние факторы, среди которых можно назвать религиозные течения в пределах одного государства, личностный выбор отдельно взятого пленного, который мог сменить вероисповедание и подданство, находясь в плену, а также волеизъявление и личное отношение правителя к вопросу о судьбах пленников.

Заключение

Арабо-византийские войны способствовали складыванию новой дипломатической практики выкупа и обмена пленников – подобную систему отношений мы не наблюдаем ни в одном из параллельных конфликтов, в которых участвовали в это время Халифат Аббасидов и Византийская империя. Как показывают приведенные примеры, протокол обмена или выкупа можно представить в виде следующей схемы: 1) обмен письмами, за которым следовал обмен дарами и посольствами, которые часто занимали достаточно продолжительное время – от месяца до нескольких лет; 2) подсчет пленников, содержащихся при дворе правителя; 3) установление способа возвращения на родину пленников – выкуп или равноценный обмен, принцип которого описал Феодан Исповедник; 4) встреча и сама процедура передачи людей из рук в руки с точным соблюдением численности и протокола (место, время, способ передачи). Обмен военнопленными осуществлялся по формальным схемам, но в то же время был средством лучшего понимания образа жизни другой стороны [Arabia, Greece and Byzantium..., 2012, p. 12], а новая дипломатическая практика сформировала еще более разнообразные формы взаимодействия с пленными вне зависимости от того, были они комбатантами или случайными участниками военных столкновений.

Обмены пленными продолжают оставаться актуальной проблемой в контексте вооруженных конфликтов. Отечественный исследователь В.В. Познахирев, который специализируется на теме положения оттоманских военнопленных во время русско-турецких войн, выделяет несколько функций у подобных обменов: 1) избавить соотечественников от пребывания в неволе; 2) вернуть своей армии подготовленный контингент; 3) сократить затраты на содержание пленников [Познахирев, 2020, с. 166]. Точно такие же мотивы, на наш взгляд, применимы и к сюжетам арабо-византийских войн. Кроме того, отметим, что пленные в Средние века становились в руках захватчиков политическим инструментом, а также поводом для остановки военных действий и установления перемирия, чем противоборствующие стороны активно пользовались, а возвращение своих подданных с точки зрения религиозной догматики было благородным делом как для Византии, так и для Халифата Аббасидов [подробнее: Тюленев, 2012; Грозова, 2024], таким образом, их роль в военном конфликте значительно расширяется, а сведения об их статусе и способах обращения с ними в том числе говорят нам о формировании гуманистического отношения к военнопленным (комбатанты и некомбатанты) и пленным в целом.

Подводя итог, можно сказать, что обмен пленными не являлся жестом доброй воли, обмен – это необходимый процесс, в том числе и для восстановления численности армии. Еще одна причина, которая говорит о необходимости этого процесса, – это огромное количество людей, которых было некуда девать. Византийцы, например, в качестве решения проблемы придумали механизм расселения пленников без возможности возвращения на родину – об этом пишет Никита Хониат уже в более поздний период [Никита Хониат. 1860, с. 21], а некоторые высокопоставленные становились слугами при императоре или вступали в византийскую армию, поменяв при этом вероисповедание [Грозова, 2022, с. 45–46]. Позднее для иностранных пленников в Византии появлялись даже специальные школы, где их будут учить основам христианства и греческому языку. Открытие таких школ становится характерной чертой правления Алексея Комнина в XI в. [Шукуров, 2020, с. 19].

Дипломатические процессы, обусловленные регулярным военным противостоянием арабов и византийцев, привели к формированию абсолютно новой межкультурной коммуникации с двух сторон (речь не только о военном противостоянии, но и о лучшем понимании «своего» и «чужого» с точки зрения культурных и религиозных различий). Так сложился особый вид протокола, где действующими лицами становятся не только правители – императоры и халифы, но и высокопоставленные чиновники обоих дворов – генералы, патриции, эмиры и визири, патриархи, послы и переводчики; кроме того, можно предположить, что в установлении дипломатических контактов особую роль сыграли и высокопоставленные арабские и византийские пленники, желая того или нет. Таким образом, первый обмен, который состоялся во второй половине VIII в., стал своего рода поворотным моментом в арабо-византийских отношениях, который породил новые формы политического и шире – межкультурного взаимодействия, основанного на взаимоуважении и признании друг друга как равных на политической арене Средневековья.

Список источников

- Коран. 2018. Пер. Крачковского. Ростов-на-Дону, Феникс, 537 с.
- Лев VI Мудрый. 2012. Тактика Льва. Санкт-Петербург, Алтейя, 368 с.
- Лев Диакон. 1988. История. Москва, Наука, 237 с.
- Лев Хирсофакт. 2017. Сочинения. Санкт-Петербург, Алтейя, 284 с.
- Никита Хониат. 1860. История, начинающаяся съ царствования Иоанна Комнина. Томъ 1 (1118–1185). Санкт-Петербург: Типографія Григорія Трусова, 446 с.
- Продолжатель Феофана. 2009. Жизнеописания византийских царей. Санкт-Петербург, Алтейя, 400 с.
- Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мас‘уди. 2002. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]. Москва, Наталис, 800 с.
- Theophanes Confessor. 1997. The Chronicle of Theophanes Confessor. Byzantine and Near Eastern History A. D. 284–813. Oxford: Oxford University Press, 744 p.
- The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa'l-muluk). 1985. Vol. XXXVIII: The Return of the Caliphate to Baghdad. Albany: State University of New York Press, 239 p.
- The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa'l-muluk). 1987. Vol. XXXII: The Reunification of The `Abbasid Caliphate. Albany: State University of New York Press, 281 p.
- The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa'l-muluk). 1987. Vol. XXXIV: Incipient Decline. Albany: State University of New York Press, 249 p.

Список литературы

- Браунинг Р. 1958. Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.). Пер. с англ. Л.А. Волчковой. *Византийский временник*, Т. 14. Москва, Издательство Академии наук СССР: 38–55.
- Васильев А.А. 1900. Византия и арабы за время Аморийской династии. Санкт-Петербург, Типография И.Н. Скороходова, 183 с.
- Гладышев А.В. 2017. Антропологический поворот в военной истории. *Диалог со временем*, вып. 59, Москва, Аквилон: 136–150.
- Грозова В.А. 2022. Типология и пути пленных в Византийской империи IX–XII вв. *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*, Т. 9, 1, Белгород, Издательство Белгородского государственного исследовательского университета: 34–50.
- Грозова В.А. 2024. Статус пленных в мусульманской традиции на примере арабо-византийских войн VIII–XII вв. *Армия и военные традиции на Ближнем Востоке: сборник материалов 1-й Всероссийской научной конференции молодых ближневосточников*. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс: 111–113 с.
- Кучма В.В. 1979. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторические источники. *Византийский временник*, Т. 40. Москва, Наука: 49–75.
- Кучма В.В. 1997. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция. *Античная и средневековая идеология*. Свердловск: 79–94.
- Кучма В.В. 2001. Военная организация Византийской империи. Санкт-Петербург, Научное издание, 426 с.

- Познахирев В.В. 2020. Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*, Т. 20, вып. 2: 161–166.
- Сенявская Е.С. 2016. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли. *Вестник Мининского университета*, 1–2(14): 14–24.
- Тюленев В.М. 2012. Выкуп пленнх в контексте становления христианского общества в Западной Европе V – начала VI в. *Исторический журнал: научные исследования*, 1 (7). Москва, НБ-Медиа: 84–91.
- Фильштинский И.М. 2006. История арабов и Халифата. Москва, АСТ: Восток-Запад, 349 с.
- Шукуров Р.М. 2020. Богословская экзегеза на практике: пленники, филантропия и византийский миссионизм. *Византийский временник*, Т. 104. Москва, Издательство Московского университета: 13–33.
- Arabia, Greece and Byzantium. Cultural Contacts in Ancient and Medieval Times. 2012. Vol. II. Riyadh, King Saud University Printhouse, 416 p.
- Glaire D.A. 2009. Islamic Spaces and Diplomacy in Constantinople (X–XII Centuries). *Medieval Encounters* 15. Brill: 86–113.
- Prisoners in War. 2010. Ed. by Sibylle Scheipers. Oxford: Oxford University Press, 330 p.
- Simeonova L. 1998. In the Depths of Tenth-Century Byzantine Ceremonial: The Treatment of Arab Prisoners of War at Imperial Banquets. *Byzantine and Modern Greek studies*, Vol. 22. Cambridge: Cambridge University Press: P. 75–104.
- The Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. Vol. 3. Oxford, Oxford University Press, 2232 p.
- Toynbee A. 1973. Constantine Porphyrogenitus and His World. London and New York, Oxford University Press, 768 p.
- Wierzbiński, S. 2018. Prospective Gain or Actual Cost? Arab Civilian and Military Captives in the Light of Byzantine Narrative Sources and Military Manuals from the Xth Century. *Studia Ceranea*, Vol. 8. Lodz: Lodz University Press: 253–283.

References

- Brauning R. 1958. Rabstvo v Vizantijskoj imperii (600–1200 gg.) [Slavery in the Byzantine Empire (600–1200)]. Per. s angl. L.A. Volchkovoj. *Vizantijskij vremennik*, Т. 14. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR: 38–55.
- Vasil'ev A.A. 1900. Vizantija i araby za vremja Amorijskoj dinastii [Byzantium and the Arabs During the Amorian Dynasty]. Saint Petersburg, Tipografija I.N. Skorohodova, 183 p.
- Gladyshev A.V. 2017. Antropologičeskij povorot v voennoj istorii [Anthropological Turn in Military History]. *Dialog so vremenem*, vyp. 59, Moscow, Akvilon: 136–150.
- Grozova V.A. 2022. Tipologija i puti plennyh v Vizantijskoj imperii IX–XII vv. [Typology and Paths of Prisoners in the Byzantine Empire of the 9th–12th Centuries]. *Tractus Aevorum: jevoljucija sociokul'turnyh i političeskikh prostranstv*, Т. 9, 1, Belgorod, Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo issledovatel'skogo universiteta: 34–50.
- Grozova V.A. 2024. Status plennyh v musul'manskoj tradicii na primere arabo-vizantijskih vojn VIII–XII vv. [The Status of Prisoners in Muslim Tradition on the Example of Arab-Byzantine Wars of the 8th–12th Centuries]. *Armija i voennye tradicii na Blizhnem Vostoke: sbornik materialov 1-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii molodyh blizhnevostočnikov*. Saint Petersburg, Art-Ekspress: 111–113.
- Kuchma V.V. 1979. Vizantijskie voennye traktaty VI–X vv. kak istoričeskie istočniki [Byzantine Military Treatises of the 6th–10th Centuries as Historical Sources]. *Vizantijskij vremennik*, Т. 40. Moscow, Nauka: 49–75.
- Kuchma V.V. 1997. Religioznyj aspekt vizantijskoj voennoj doktriny: istoki i jevoljucija [Religious Aspect of Byzantine Military Doctrine: Origins and Evolution]. *Antichnaja i srednevekovaja ideologija*. Sverdlovsk: 79–94.
- Kuchma V.V. 2001. Voennaja organizacija Vizantijskoj imperii [Military Organization of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Naučnoe izdanie, 426 p.
- Poznahirev V.V. 2020. Dogovory ob obmene plennymi (karteli) v voennoj istorii Rossii [Agreements on the Exchange of Prisoners (Cartels) in the Military History of Russia]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Meždunarodnye otnoshenija*, Т. 20, vyp. 2: 161–166.

- Senjavskaja E.S. 2016. Voennaja antropologija: opyt stanovlenija i razvitija novoj nauchnoj otrasli [Military Anthropology: Experience of Formation and Development of a New Scientific Field]. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 1–2 (14): 14–24.
- Tjulenev V.M. 2012. Vykup plennyh v kontekste stanovlenija hristianskogo obshhestva v Zapadnoj Evrope V – nachala VI v. [Ransom of Prisoners in the Context of the Formation of Christian Society in Western Europe of the 5th – Early 6th Centuries]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 1(7). Moscow, NB-Media: 84–91.
- Fil'shtinskij I.M. 2006. Istorija arabov i Halifata [History of the Arabs and the Caliphate]. Moscow, AST: Vostok-Zapad, 349 p.
- Shukurov R.M. 2020. Bogoslovskaja jekzegeza na praktike: plenniki, filantropija i vizantijskij missionizm [Theological Exegesis in Practice: Prisoners, Philanthropy, and Byzantine Missionism]. *Vizantijskij vremennik*, T. 104. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta: 13–33.
- Arabia, Greece and Byzantium. Cultural Contacts in Ancient and Medieval Times. 2012. Vol. II. Riyadh, King Saud University Printhouse, 416 p.
- Glaire D.A. 2009. Islamic Spaces and Diplomacy in Constantinople (X–XII Centuries). *Medieval Encounters* 15. Brill: 86–113.
- Prisoners in War. 2010. Ed. by Sibylle Scheipers. Oxford: Oxford University Press, 330 p.
- Simeonova L. 1998. In the Depths of Tenth-Century Byzantine Ceremonial: The Treatment of Arab Prisoners of War at Imperial Banquets. *Byzantine and Modern Greek studies*, Vol. 22. Cambridge: Cambridge University Press: P. 75–104.
- The Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. Vol. 3. Oxford, Oxford University Press, 2232 p.
- Toynbee A. 1973. Constantine Porphyrogenitus and His World. London and New York, Oxford University Press, 768 p.
- Wierzbiński, S. 2018. Prospective Gain or Actual Cost? Arab Civilian and Military Captives in the Light of Byzantine Narrative Sources and Military Manuals from the Xth Century. *Studia Ceranea*, Vol. 8. Lodz: Lodz University Press: 253–283.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.05.2024

Received 10.05.2024

Поступила после рецензирования 05.08.2024

Revised 05.08.2024

Принята к публикации 07.08.2024

Accepted 07.08.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Грозова Вера Андреевна, ассистент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Vera A. Grozova, Assistant of the Department of Social Security and Humanitarian Technologies, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate Student at Dobrolyubov State Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0000-8254-2038](https://orcid.org/0009-0000-8254-2038)